

Глава 465. Перехитрили и использовали

Как предпринимателю, Су Ча была известна ситуация в основных коммерческих банках на востоке, но у него заняло некоторое время выяснение того, сколько денег они заработали на поднятии цен на еду в этот раз.

Су Ча боялся, что Линь Чуцзю будет переживать. Поэтому, когда он выяснил положение дел главных торговцев зерном, он немедленно послал информацию Линь Чуцзю, чтобы Линь Чуцзю могла принять меры.

Хотя политически четыре страны, в том числе Восток и Запад, были независимы, и на экономике и на политике их лежала тень Центральной империи. Совсем как в отношении цен на еду, они подчинялись власти больших семей Центральной империи.

После каждой битвы цены на еду возрастали. Это стало неписаным правилом в странах, и даже император не мог в этом вмешиваться.

То, что цены в этот раз выросли, не было преувеличением обычной практики. Поэтому Су Ча не ожидал, что люди в столице устроят из-за этого беспорядки и что император взыщет за это с Сяо Тяньяо.

Что касалось повышения цен, было ясно, что Сяо Тяньяо не несет за это никакой ответственности. Цены на еду, несомненно, выросли из-за его исчезновения. Тем не менее все было чересчур раздуто именно затем, чтобы сделать Сяо Тяньяо виноватым.

Однако обычных людей было легко обмануть. Каждый раз, когда люди теряли много денег, они, естественно, поднимали волнения, но они не знали, кого им ненавидеть. Купцы лишь сказали, что еды не хватало из-за войны, во множестве мест начался хаос, поэтому их товары подорожали. Это была не их вина. Если они считали, что еда слишком дорогая, они не должны были ее покупать.

На этот раз император перечислил одну-две причины в доказательство того, что в росте цен виноват Сяо Тяньяо. Поэтому, когда обычные люди это узнали, они, разумеется, в это поверили и стали обвинять Сяо Тяньяо.

Теперь, если кто-нибудь начнет их подстрекать, эти люди, пострадавшие от больших потерь, могут даже собраться и пойти крушить поместье Сяо. К тому времени, даже если Сяо Тяньяо вернется с победой, его тоже заклеймят преступником. Сяо Тяньяо никогда больше не получит уважения граждан.

«К счастью, ванфэй не приняла императорский указ. Хотя это серьезное преступление – не принять императорский указ, Сяо Тяньяо не смог бы вернуться, если бы она приняла его», – чем больше Су Ча об этом думал, тем тяжелее ему становилось.

Императорский указ пришел слишком резко, они не получили никаких новостей о нем заранее. Если бы Линь Чуцзю не отказалась твердо от императорского указа, они бы пали жертвами расчетов императора. Если бы это случилось, их обвинили бы в сделке с продажными купцами и в том, что они наживаются на войне.

Чем больше Су Ча думал об этом, тем более ужасно он себя чувствовал, поэтому он не мог не написать письмо Сяо Тяньяо, в котором рассказал ему обо всем, что случилось в столице, и призывал его подготовиться заранее.

На этот раз, чтобы смыть с себя обвинения в накрутке цен, они оскорбили семью Чжан из Центральной империи, и они должны быть готовы заранее.

*

Домоправитель Цао получил 50000 серебряных монет без проблем. Прежде чем вернуться домой, он отослал 200000 серебряных ассигнаций в Министерство Экономики. К несчастью, Лю Шилан, который принимал деньги, был отцом маленького чиновника, который приходил сегодня в поместье Сяо.

«Я слышал, что принцесса Сяо не приняла императорский указ? Почему же она платит штраф?» – Лю Шилан даже не взглянул на серебряные ассигнации в руках домоправителя Цао. Он ясно дал понять, что не примет их.

Они хотят заплатить штраф?

Сначала они должны поговорить об императорском указе.

Если они не возьмут императорский указ, тогда они не должны и думать о том, что он примет штраф!

С первого же взгляда Домоправитель Цао понял, что его собеседник хочет найти, к чему придраться, поэтому он спокойно убрал руку, в которой держал деньги. А затем сказал: «Мы всего лишь слуги, которым отдали приказ. Мы не можем оспаривать приказы наших господ. Наша госпожа попросила нас заплатить штраф, значит, значит, мы заплатим штраф. Господи Лю, вы в самом деле не примете его?»

«Наш департамент не принимает серебряные ассигнации без торговой марки», – снова отказался Лю Шилан. Домоправитель Цо кивнул, чтобы показать, что он понял: «Тогда мне принести серебряные монеты?»

«Даже серебряные монеты не принимаются!» – сердито крикнул Лю Шилан. Что люди поместья Сяо хотят этим сказать? Они что, не понимают человеческого языка?

Не удивительно, что его сын не справился. Это явно была не его вина. Все потому, что у людей поместья Сяо нет мозгов.

«Ни ассигнации, ни серебряные монеты не принимаются? Вы противитесь императорскому указу? Императорский указ требует, чтобы поместье Сяо заплатило 200000 серебром», – домоправитель Цао беззастенчиво упомянул императорский указ, а затем положил серебряные ассигнации на стол: «Я положил здесь 200000 серебром, нравится вам это или нет».

Сказав это, он ушел, не проронив больше ни слова, и что бы ему ни кричали вслед, он не обращал внимания.

Он отдал им серебро, которое они требовали, так что, даже если это дело дойдет до императора, они могли не бояться!

Бояться было нечего, потому что...

Когда император увидел указ, предоставленный Министерством Юстиции и серебряные ассигнации, принесенные Министерством Экономики, он улыбнулся: «Кто объявлял императорский указ?»

«Молодой господин Лю», – министр юстиции не смел это скрывать.

«Каковы его отношения с Лю Шиланом, министром экономики?» – дело не в том, что у императора была плохая память, просто разве он мог запомнить такого маленького чиновника? Другое дело – он помнил Лю Шилана, который забрал 200000 серебряных. В конце концов, он не только собрал серебро, но и написал записку об отношении поместья Сяо.

«Это сын Лю Шилана», – министр юстиции тихо вытер пот, он очень переживал за себя. Император не показал недовольства, он сказал с улыбкой: «Отец и сын сражались храбро, точно тигры, хорошо!»

Что император хотел сказать?

Министр юстиции потихоньку взглянул на императора и, увидев, что он улыбается, внезапно смутился: Поместье Сяо не приняло императорский указ, почему император не сердится?

Может быть он объяснил все недостаточно хорошо, или император не понял?

*

Когда Линь Чуцзю увидела, что небо уже темнеет, а император так и не вызвал ее во дворец, она тоже хотела спросить, что император имеет в виду?

«Разве император не пытался найти вину ванье таким образом и сделать так, чтобы он потерял лицо перед своим народом?» – сидя одна в кабинете, Линь Чуцзю раздумывала обо всех возможностях.

Изначально она продумала все возможные контрмеры сегодняшнего дня, но теперь, когда император не делал ход, она не могла их использовать.

«Я что, ошиблась? Император не пытается осудить ванье?» Если это не так, что чего император хочет от Сяо Тяньяо.

Если бы она приняла императорский указ, Сяо Тяньяо определенно не смог бы очистить свое имя от обвинений в сговоре с купцами, но теперь, когда она отказалась принимать его, все пошло не так как хотелось императору, так почему же император не рассердился?

«Может, я что-то упустила, и целью императора был не Сяо Тяньяо, а что-то еще?»

Чем больше Линь Чуцзю думала, тем больше она чувствовала, что что-то не так. А потом она вдруг вскочила. Линь Чуцзю посмотрела на информацию, которую прислал днем Су Ча. В его докладе говорилось о тех, кто стоял за купцами.

«Император использовал меня!»

Крупнейшие торговцы зерном в Восточной стране все, за исключением нескольких родственников императора, были из Центральной империи. Семья Чжан была одной из крупнейших купеческих семей, но другие принадлежали лишь к малым семьям. Такую семью нельзя было недооценивать на Востоке.

Так что можно было сказать, что цена зерна на Востоке была полностью зависима от милости Центральной империи. Даже император мог только беспомощно наблюдать за ростом цен на зерно.

«Несомненно, меня использовали!» – Линь Чузцю хлопнула себя по лбу и не могла не воскликнуть: «Сяо Тяньяо, я совершила ошибку, но...»

<http://tl.rulate.ru/book/2902/779291>